

Александр Александрович Козловский родился в 1967 году в Тюмени. Окончил Тюменский индустриальный институт, а затем и Тюменский юридический институт МВД РФ. Он автор трех книг: двух прозаических («Люди сказывают», «Откровенно говоря») и одной поэтической («Стихи?»). Публиковался в региональной и центральной периодике. Член Союза писателей России.

В настоящее время проживает в г. Сургуте. Проходит службу в УВД ХМАО, майор милиции.

БУДНИ

Рассказ

Жара стояла невероятная. Безразличное ко всему солнцу бездушно таранилось на задыхающийся от пыли и выхлопных газов город. Асфальт плавился, становился мягким, и на нем четким рисунком отпечатались подковки ботинок милицейского старшины, несколько минут назад лениво прошедшего мимо вытянувшихся в ряд и пышущих жаром бронированных ларьков. Измученные деревья тихим шелестом, похожим на сдавленный стон, отзывались на каждое дуновение жаркого ветра. Скоробившаяся понурая листва давала лишь слабое подобие тени, никого не способной спасти от жары.

В пыли под высоким тополем у самой ограды стадиона, положив голову на вытянутые передние лапы, спал старый бездомный пес. Свалывшаяся рыжая шерсть прикрывала его впалые, испытанные на себе немало ударов, пинков и других человеческих подлостей бока. За всю свою собачью жизнь пес понял, что от людей лучше всего держаться подальше. Не так, чтобы уж совсем – тогда и вовсе с голоду лапы протянешь, но и близко тоже лучше лишний раз не подходить. Изредка какая-нибудь сердобольная старушка кидала ему корку хлеба или на мгновение оказавшийся вне взора бдительных родителей ребенок пытался погладить. И тогда пес был почти счастлив своим собачьим счастьем. Чего еще нужно, как не частицу, пусть самую маленькую, тепла и участия. Но все же чаще доставались ему от людей лишь пинки да колотушки, которые можно было получить ни за что ни про что. Особенно от подростков. «И почему это из милых детишек такие уроды вдруг получаются? – рассуждал порой пес. – Да и взрослые не намного лучше. Может, им силу свою показать хочется? Так зачем на мне-то? Знают ведь, что все равно сдачи не дам... Одним словом – подлые существа».

Сон его был беспокойный. Он то тявкал, то повизгивал, скребя лапами, то вдруг вскидывал голову и начинал протяжно и печально выть. Потом как-то резко успокаивался, обрывал свой вой, открывал глаза, удивленно смотрел по сторонам, словно недоумевая: чего это я вдруг? Опускал голову на лапы и снова засыпал.

Иван Семенович остановился, тяжело дыша, поправил галстук и, достав из кармана сложенный вчетверо клетчатый носовой платок, вытер покрытое крупными каплями пота лицо. «Ну и погода!» Он укоризненно посмотрел на бича с грязной авоськой в руках, выискивающего в мусорной куче позади ларьков пустые бутылки, будто бич этот и был во всем виноват. «Выпить бы чего-нибудь...».

Словно угадав его мысли, из окошечка ближайшего ларька высунулся не то армянин, не то азербайджанец:

- Жарка тэбэ, атэц, да? Савсэм маленький Ташкэнт тут у вас. Бери пива, а?
- Знаю я ваше бери, – сердито ответил Иван Семенович, – в три шкуры дерете с русского человека. Почем?
- Зачэм так гаваришь? Как всэ бэру, дэшэвле нэт.

– То-то и оно, что нет, – проворчал Иван Семенович, – давай, ладно, бутылочку.

Он тщательно пересчитал сдачу, забрал пиво, которое не то азербайджанец, не то армянин тут же и откупорил – «все сдэлаем, атэц», отошел к одному из стоящих перед ларьками столиков и, посапывая от удовольствия, стал потягивать холодное, леденящее зубы пиво. С каждым глотком чувствовал Иван Семенович, как по телу разливается блаженная прохлада, на душе у него повеселело, он огляделся по сторонам. Не то армянин, не то азербайджанец, улыбаясь, смотрел из окошечка ларька на редких прохожих. Поднимая облака пыли, по дороге сновали туда-сюда автомобили. Иван Семенович отметил, что большинства их названий он и не знает даже – иномарки какие-то. Чуть поодаль, за дорогой на остановке скопилась толпа с корзинами, ведрами и прочим хозяйственным скарбом – дачники, ожидающие автобус.

– Простите...

Иван Семенович обернулся. Перед ним стоял тот самый бич с авоськой. Поиски его увенчались успехом – в авоське позвякивали пустые бутылки.

– Простите, бутылочку оставьте, а?

Иван Семенович с чувством собственного превосходства оглядел его с головы до ног, словно обдумывая что-то, повел носом (запах от бича был не из приятных) и наконец кивнул, сделав при этом знак рукой – хорошо, только не мешай пока, мол. Бич покорно отошел в сторону и стал терпеливо ждать. «Надо ж так опуститься», – брезгливо подумал Иван Семенович, демонстративно отвернулся в другую сторону и стал смотреть на дорогу.

Мчавшийся, казалось мимо, оливковый «Форд» вдруг резко свернул в сторону ларьков и затормозил. Машину развернуло, она пошла юзом, едва не сбив столик за которым стоял ошеломленный Иван Семенович, и остановилась в каком-нибудь метре от ларька. Не то армянин, не то азербайджанец как-то сразу скис.

Хлопнув дверцами, из машины выскочили два дюжих молодца.

– Вы это чего?! Чуть не стоптали! – возмущенно сказал им Иван Семенович. – Ездить не умеете, так дома сидели бы. И как таким только права дают.

Один из молодцов глянул на него так, что Иван Семенович явно ощутил, как у него мурашки по спине забегали.

– Заткнись, пердун старый! Катись отсюда, пока я тебе не навешал! Понял? Ка-азел!

Иван Семенович понял, что самым лучшим для него будет промолчать. «До чего дожили, – негодовал он, – сопляк какой-то, а строит из себя. Скинуть бы мне лет двадцать... На машине такой разъезжает. Ясно, откуда деньги взял. Я вон всю жизнь честно работал, а на мотоцикл только едва скопил, а эти... Ни совести, ни стыда, такие и убить могут ни за что». На душе у него стало до того тошно, что даже расхотелось ехать на совещание общества ветеранов, куда он, собственно, и собирался.

Парни, казалось, забыли уже об его существовании. С первого взгляда их можно было принять за братьев-близнецов: приблизительно одного роста, крепкие, с одинаковыми короткими стрижками, футболки с нерусскими надписями, синие спортивные брюки-трико, белые кроссовки. Они были увлечены разговором с продавцом.

– Ты бы хоть пивом угостил гостей в такую жару, – сказал один из парней. – Где ж твое кавказское гостеприимство?

Не то азербайджанец, не то армянин молча выставил на прилавок шесть бутылок пива.

– Вот, совсем дело другое, – похвалил его парень и предложил товарищу, – бери, не стесняйся, Камиль угощает.

Он взял бутылку, сорвал зубами с нее пробку, эффектно сплюнул ее на землю, отхлебнул порядочный глоток и спросил:

– Приготовил?

Продавец, пошарив где-то под прилавком, все так же молча протянул ему пухлый конверт.

Парень сделал вид, что обрадовался:

– Вот помнишь, Филя, – сказал он самодовольно, – я же тогда Бизону говорил, что Камиль мужик хороший. Подумает, и согласится. – Говорил он с издевкой, нарочито растягивая слова. – Видишь, он подумал правильно и согласился. А все потому, что мужик он хороший. Ты ведь хороший мужик, а Камиль? – спросил он, засовывая конверт в черную кожаную сумочку на поясе. – Я тоже хороший. Видишь, Камиль, даже не считаю. А все почему? Потому что хорошие люди должны друг другу доверять.

Иван Семенович, невольно оказавшийся свидетелем всего этого безобразия, творящегося прямо среди бела дня, оторопело смотрел на парней. «Да разве это возможно? Где ж милиция, черт подери?! Куда ж люди смотрят. Надо народ позвать. Сейчас...». И тут Иван Семенович понял, что ничего он сейчас не сделает, потому что просто-напросто боится.

– Посмотри-ка, он еще здесь, – сказал Филя, кивнув в его сторону, – Тебе чо, казел, надо, чо зеньки тарачишь? – закричал он на Ивана Семеновича. – Да я тебя сейчас. – Он сделал шаг в его сторону. – А ну вали отсюда, а то...

Иван Семенович понял, что лучше не связываться. Он поставил недопитую бутылку на столик, повернулся и, оглядываясь через плечо – кто знает, эти и в спину ударят! – быстро пошел в сторону остановки.

Парни по-хозяйски огляделись кругом.

– Ну, чо, поехали, чо ли. Слышь, Гвоздь, а то ведь Бизон еще в три места заехать сказал, – предложил деловито потягивающий пивко Филя.

– Погоди минутку, – ответил Гвоздь, хитро подмигнув.

Бич, дождавшийся ухода Ивана Семеновича, опасливо покосился на парней, подошел к опустевшему столику, допил одним глотком недопитое пиво, положил опустевшую бутылку в авоську и двинулся было прочь.

– Стоп! – резко скомандовал Гвоздь.

От неожиданности бич чуть не выпустил сетку из рук. Гвоздь сделал строгое лицо.

– Ты чего без спросу мою бутылку берешь?! Кто тебе разрешил? Положи на место, – сказал он сердито.

Бич покорно поставил бутылку назад и хотел было идти прочь. Но Гвоздя это явно не устраивало:

– Ты куда? Стоять!

Бич остановился.

– Так и быть, забирай, – милостиво разрешил он. Но как только бич потянулся к бутылке, вновь скомандовал:

– Стоп! Иди сюда!

Бич нехотя подошел.

– Не по понятиям получается, братан, – Гвоздь говорил подчеркнуто вежливо, – неправильно поступаешь, дорогой товарищ без определенного места житель-

ства. Вот сейчас ты эти бутылки сдашь по пятерке, доход получишь, а налоги кто платить будет? Нехорошо государство наше обманывать. А нынче все фрайера налоги платят, вон и Камиль платит, – кивнул он в сторону ларька. – Недаром ведь у нас налоговая полиция организована. А ты не платишь. Несправедливо. Короче, гони рубль: пятая часть стоимости – НДС называется.

Бич потоптался на месте, порылся в карманах, вытащил засаленную смятую бумажку и протянул ее парню.

– Вот, – сказал он тихо.

Гвоздь явно не ожидал такого оборота. Тем не менее шутник быстро поборол распивавшую его злость и сладко заулыбался.

– Молодец, – одобрительно похлопал он бича по плечу, – правильно понимаешь налоговую политику демократического государства. Только ты, – лицо его стало серьезным и каким-то бычьим, ноздри широко раздулись, – только ты, падаль, неужели в самом деле вообразил, – чеканил он зло каждое слово, – что я твой зачморенный рубль возьму?! Ох, падла!

Он оттолкнул протягивающую деньги руку и резко ударил бича под дых. Тот поперхнулся, согнувшись, схватился за живот, и тогда парень другой рукой ударил его в лицо. Бич опрокинулся навзничь, ударившись головой об асфальт, авоська выпала из его рук, послышался звон стекла. Парень пнул его ногой в живот, потом еще и вдруг неожиданно для себя самого начал наносить удары один за одним.

– Падла! Мразь! Да я ж тебя сейчас!.. Дерьмо жрать заставлю! – яростно выкрикивал он, распаляясь все больше. – Скотина! Вонючка! На тебе, казел. Мне – рубль. Да на зоне за это!..

Бич и не пытался встать: силы были явно неравные. Он только прикрывал голову руками и тихо стонал. Гвоздь все не унимался.

– Сволочь! Мразь!

Стоны перешли в хрип.

– Ладно, Гвоздь, хватит, это уже не прикольно, – схватил его за локоть Филя, – еще в самом деле окучишь его, разруливай потом с ментами. Пошли, времени нет.

Тот еще раз наддал бичу ногой в живот – «пусть знает, скотина», – плюнул на него и пошел к машине. Презрительно фыркнув, «форд» выпустил облачко дыма и рванул с места, оставляя за собой длинный шлейф пыли.

Азербайджанец посмотрел ему вслед, произнес что-то по-своему и затворил окно, будто ларек не работает. Бич медленно поднялся, придерживаясь за угол ларька. С лица его капала кровь. Он утерся грязным рукавом рубахи, размазав кровь по лицу, подобрал авоську, вытряхнул из нее осколки, собрал оставшиеся после парней бутылки и, пошатываясь, медленно поплелся прочь.

Спавший под высоким тополем пес вдруг встрепенулся, вскинул голову и завыл. Завыл протяжно и долго. И редкие прохожие невольно оборачивались в его сторону, недоумевая: «Чего это он?».

– Чего это он? – спросил мальчуган лет пяти у шедшей рядом с ним мамы – молодой женщины с корзиной в руке, одетой в футболку и джинсы.

– Не знаю, – ответила та. – Может, от голода, а может, чью-то смерть почуял – говорят, собаки смерть чувуют. Ну, куда ты? Илья, я кому сказала! Не видишь, какой он грязный. Не смей его трогать! Пойдем. – Она взяла сына за руку. – А то мы на автобус опоздаем, а бабушка на даче волноваться будет.

Так же неожиданно, как и начал, пес резко прекратил свой вой, огляделся по сторонам, опустил голову на лапы и вновь заснул. Что ему снилось? Бог знает...